

А.Г. Власенко

A.G. Vlasenko

М.И. КУТУЗОВ И БОРОДИНСКАЯ ПОЗИЦИЯ, 1812 г.

KUTUZOV AND BORODINO POSITION, 1812

В статье, являющейся своеобразным продолжением, изданных ранее в Бородинском сборнике работ «Актуальные вопросы Бородинского сражения» (2012) и «Шевардинский бой 24 августа (5 сентября) 1812 года: причины и итоги» (2022), сконцентрировано внимание на выборе Кутузовым позиции при селе Бородино и развертывании войск на ней, раскрывающие его планы на сражение.

The article, which is a kind of continuation of the works published earlier in the Borodino collection “Topical issues of the Battle of Borodino” (2012) and “The Battle of Shevardino Redout on August 24 (September 5), 1812: Reasons and Results” (2022), focuses on Kutuzov’s choice of a position at Borodino and the deployment of troops on it, revealing his plans for the battle.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Кутузов, Бородино.

Keywords: Napoleon’s Russian campaign, Kutuzov, battle of Borodino.

Прибытие генерала от инфантерии светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова в качестве главнокомандующего всеми войсками, действующими против Наполеона, к 1-й и 2-й Западным армиям 18 августа было воспринято большинством по обе стороны фронта однозначно¹. Среди нижних чинов русской армии тотчас «проявилась поговорка: приехал Кутузов, бить Французов! ...»² С не меньшим позитивом откликнулся на его появление Наполеон. По словам А. Коленкура, император, получив о том известие 1 сентября/20 августа у Гжатска, сделал «вывод, что Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление; он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву, потому что находится слишком близко к этой столице, чтобы спасти ее... Кутузов даст сражение, чтобы угодить дворянству, а через две недели император Александр I окажется

без столицы и без армии; вероятно, именно этого хотел император Александр... он сможет теперь возложить на Кутузова ответственность за последствия тех неудач, которые он потерпит; несомненно, такова была его цель, когда он пошел на уступку своему дворянству»³. Уверенность Наполеона в предстоящем сражении была столь велика, что на следующий день он отдал приказ о приостановке движения, чтобы подготовиться к предстоящей битве.

Михаил Илларионович оказался под мощным давлением общества и армии. Сама обстановка его отъезда и путь к армии, во время которых он мог наблюдать настроение людей, не требовали расшифровки. Бывший штабной из 2-й Западной армии С.И. Маевский описал настрой, царивший в тот момент в войсках: «С приездом Кутузова в Царево-Займище, все умы воспрянули и полагали видеть на другой день Наполеона совершенно разбитым, опрокинутым, уничтоженным»⁴. Всеобщий запрос был столь ошутим, что не знавший русского языка участник тех событий К. Клаузевиц подчеркнул особое его влияния на полководца: «Кутузов, наверное, не дал бы Бородинского сражения, в котором, повидимому, не ожидал одержать победу, если бы голоса двора, армии и всей России не принудили его к тому»⁵. Л.Л. Ивченко пришла к еще более категоричному выводу: «Источники подтверждают, что Кутузов решился на сражение по причинам «нематериального» характера: затянувшееся отступление влияло на моральное состояние армии»⁶.

Безусловно, этот фактор играл значительную роль, но, по нашему мнению, не решающую. Перед Кутузовым стояла совершенно конкретная задача — судьба Москвы, отягощенная военной ситуацией. Ее обрисовал военный министр и главнокомандующий 1-й Западной армией генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли в письме московскому главнокомандующему графу Ф.В. Ростопчину от 10 августа. Не зная еще о назначении Кутузова, Михаил Богданович в несвойственной для себя манере возвышенного стиля, писал о стоявших перед ним проблемах: «Все причины доселе воспретившие давать онаго (генеральное сражение. — *А. В.*), ныне уничтожаются. Неприятель слишком близок к сердцу России, и сверх того мы принуждены всеми обстоятельствами взять сию решительную меру. Ибо в противном случае армии были б подвержены сугубой гибели и безчестию, и отечество, не менее того, находилось бы в той

опасности, от которой, с помощью Всевышнего, может избавиться общим сражением...»⁷ На этом фоне моральное давление, оказываемое на Михаила Илларионовича, играло второстепенную подчиненную роль.

В августе 1812 Кутузов, как и перед Аустерлицем, оказался заложником обстоятельств. Ныне ему не только навязывали, но от него ожидали конкретный образ действий. В Австрии — волей императора, сейчас — мнением еще армии и общества. Причем речь шла не о некоей отдаленной перспективе, а о принятии решения о сражении буквально в момент прибытия. Барклай уже выбрал позицию при Царево-Займище, на которой всюю шли инженерные работы. На крайний случай недалеко от нее в 21,5 верстах у д. Ивашково находилась резервная позиция⁸. Перед Кутузовым встала по-настоящему шекспировская дилемма быть или не быть сражению. Единственным преимуществом Михаила Илларионовича по сравнению с 1805 г. являлось то, что его не лишали прав главнокомандующего.

Свою партию в кампанию 1812 г., ставшей Отечественной войной, Кутузов начинает неожиданным для окружающих образом. Он отказывается от позиций, выбранных Барклаем для генерального сражения, и продолжает отступление. Михаил Илларионович объясняет свои действия следующим образом: «...настоящий предмет движения оных (войск. — А. В.) состоит в том, чтобы силами еще в резерве сзади находящимися, усилить их в такой степени, что желательно бы было, чтобы неприятельские немногим чем нас превосходили»⁹. Одно это обстоятельство делало позиции при Царево-Займище и Ивашково неприемлемыми для Кутузова по своей сути, независимо от того насколько хороши они были. Однако дело было не только в этом. К тому моменту у Кутузова сложился в общих чертах план действий. На этом фоне мнение Барклая об отказе главнокомандующего от позиции при Царево-Займище по причине того, что по разбитии неприятеля слава будет приписана не ему, а тому, кто ее выбрал, совершенно теряется¹⁰.

Кутузов принял для себя решение дать сражение в районе Можайска, о чем сообщил 19 августа председателю Государственного совета и Комитета министров генерал-фельдмаршалу графу Н.И. Салтыкову («Должно будет для спасения Москвы и чтобы

поставить наводнению от неприятеля преграду дать сражение около Можайска...») и на следующий день главнокомандующему 3-й Обсервационной армией генералу от кавалерии А.П. Тормасову («ожидать буду я неприятеля на генеральное сражение у Можайска...») ¹¹. Для Михаила Илларионовича предстоявшая битва данность, главное условие, которое требуется выполнить при любых обстоятельствах, но он видит в нем лишь важную составную часть будущих операций. Об том говорят многочисленные документы. Среди них повеление Тормасову от 20 августа: «...в настоящие для России критические минуты, тогда как неприятель находится уже в сердце России... вам, Милостивый государь мой, собрав к себе все силы генерал-лейтенанта Эртеля при Мозыре и генерал-лейтенанта Сакена при Житомире, идти с ними вместе с вашею армиею действовать на правый фланг неприятеля. За сим господин адмирал Чичагов, перешедший уже со всею армиею сего месяца 17-го числа Днестр у Каменца, примет на себя все те обязанности, которые доселе в предмет ваших операций входили...» ¹² Исполнение отданных распоряжений требовало немалого времени, что само по себе подразумевало отказ от стратегии «последнего и решительного боя». Михаил Илларионович оставался сторонником того подхода ведения боевых действий, которым он поделился с австрийским императором в 1805 г.: «...сколь много предоставил бы я случаю, доверяя участь войны одному сражению» ¹³.

21 августа войска разместились на позиции у Колоцкого монастыря, на которой Кутузов, как он сообщал Ростопчину, собирался ожидать неприятеля. Впрочем, в тот же день он от нее отказался в пользу Бородинской. Она была «гораздо выгоднейшею признанною» ¹⁴ К.Ф. Толем и Л.Л. Беннигсенем ¹⁵. Правым флангом позиция упиралась в Москву-реку, далее шла вдоль обрывистого правого берега р. Колочь до с. Бородино и от него поворачивала на юго-запад до д. Доронино. Следуя за рекой, она отклонялась в сторону противника, разворачиваясь из параллельного положения в перпендикулярное. Оба главкома были недовольны ею. По мнению Барклая, позиция «была выгодна в центре и на правом фланге, но левое крыло в прямой линии с центром совершенно ничем не подкреплялось и окружено было кустарниками на расстоянии ружейного выстрела» ¹⁶. Багратион был более категоричен. В письме Ростопчину он

сообщил: «...все выбираем места, и все хуже находим»¹⁷. По словам генерал-квартирмейстера Соединенных армий генерал-майора Вистицкого 2-го и Светлейший при первом общем осмотре позиции также не был в восторге от нее¹⁸.

Только 23 августа Кутузов после обстоятельного осмотра Бородинской позиции он переменял свое мнение о ней. Мы можем судить о том, по его реакции на заявления Багратиона, что в «настоящем положении левый его фланг подвергался высочайшей опасности»¹⁹. Позиция 2-й армии была перенесена от Колочи за овраг ручья Каменка. Итогом принятых решений Светлейшим стал рапорт императору: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе. Но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, идущим к Москве, тогда не ручаюсь, что может быть должен идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся²⁰, и как бы то ни было, Москву защищать должно»²¹.

С 23 августа, когда намерения Кутузова совпали с его желанием, началась полноценная подготовка к генеральному сражению, которая до того в основном осуществлялась в армии Барклая²². На смену отдельным распоряжениям 22 августа, исходящим из Главной квартиры Светлейшего, пришла череда взаимосвязанных повелений. После включения Курганной высоты в боевую линию и перемещения корпуса Тучкова к д. Утице конфигурация развертывания русских войск претерпела серьезное изменение. Левый фланг от окрестностей Семеновского передвинулся южнее за лесной массив к Утице, что делало местность у флешей частью центра позиции, который опирался теперь не на одну Курганную высоту, а на два опорных пункта. Построение войск на Бородинском поле получило следующую организацию: на правом фланге, защищенном крутыми берегами Колочи и Масловскими укреплениями, расположились 1-й и 2-й кавалерийские, 2-й и 4-й пехотные корпуса, казачий отряд. От Горок до Курганной высоты стоял 6-й пехотный, имея в тылу 3-й кавалерийский корпус. В центре позиции на пространстве от высо-

ты до Утицкого леса, включая частично и его, была развернута 2-я армия. В резерве ближе к центру встали 5-й пехотный корпус, 2-я гренадерская дивизия, за ними две дивизии кирасир и далее к Псареву артиллерийский резерв. На левом фланге у Утицы 3-й пехотный корпус с отрядом казаков 2-й армии, имея в своем тылу Московское ополчение.

Расположение войск на Бородинском поле вызвало неприятие со стороны Беннигсена, Баркляя и Багратиона²³. Общий их посыл заключался в необходимости сократить фронт и сосредоточить основные силы не на правом фланге, а в центре позиции от Горок до Утицкого леса. Компактное расположение позволяло бы быстро, не теряя времени, подкреплять слабые места и при необходимости нанести сильный контрудар по противнику. К маститым военачальникам присоединилась основная масса историков и военных специалистов. Их поддержал Клаузевиц, заявив, что «занятие этой части позиции являлось лишь бесполезным распылением сил; гораздо лучше было бы, если бы правое крыло заканчивалось у Колочи в районе Горок, а остальное пространство до Москвы-реки только наблюдалось бы или занималось демонстративно»²⁴.

Попытки понять, почему опытный Кутузов сделал столь странный выбор, когда, как тонко подметил британский историк Д. Ливен, «даже офицеры весьма невысокого звания знали что противник с большой долей вероятности должен был ударить именно с юга»²⁵, закончились общим вердиктом: причина всему особая значимость в планах Светлейшего Новой Смоленской дороги²⁶. В.М. Безотосный и Ливен подкорректировали версию, сделав ее немного объемнее. Россиянин заявил, что у Кутузова «возникли серьезные опасения в возможности обходного движения противника справа», поэтому там и была размещена солидная часть 1-й армии. «Более вероятно, — посчитал британец, — то, что Кутузов и Толь не хотели ослаблять силы, охранявшие главную линию коммуникаций, до тех пор, пока не были окончательно убеждены в том, что Наполеон не собирался наносить удар в этом направлении»²⁷. Впрочем, Ливен допускал и более приземленную причину «поражительного», по его словам, развертывания войск: «Нелицеприятным объяснением этому может служить простое упрямство, которым славился главный советник М.И. Кутузова К.Ф. Толь. Учитывая антагониз-

мы, существовавшие в среде высшего командования, изменение местоположения армии по совету генерала-соперника могло быть воспринято как унижение»²⁸. Особое мнение высказала Ивченко: «Непомерное усиление правого фланга, прикрывавшего эту дорогу, можно объяснить не только значимостью этой коммуникации, но и стремлением Кутузова отвлечь внимание противника от левого фланга»²⁹.

Построение войск на поле боя есть ключ к пониманию общего плана полководца. Не разобравшись в этом, мы не сможем понять, почему свехосторожный Кутузов, вместо напрашиваемого решения свернуть правый фланг и за счет него усилить войска на линии Бородино – Утица, пошел на серьезный риск. Удобный для атак противника центр, оказывался необеспеченным в должной мере войсками, а с другой стороны, помощь с правого фланга просто могла не поспеть вовремя, и тогда сражение было бы проиграно. Михаил Илларионович оставил нам подсказку своих действий, совершенно запутавшую исследователей, прозвучавшую в рапорте императору: «Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством»³⁰. Исследователи не могут обнаружить серьезных мероприятий по усилению слабого участка позиции, которые видятся им в «трех недостроенных флешах»³¹. Пытаясь как-то объяснить непонятое, пишут, что Кутузову «полностью осуществить эти намерения не хватило времени»³².

Проблема в том, что военное искусство сводится к возведению укреплений, но оно тем не ограничивается. На это обстоятельство обратил внимание в начале XX века Б.М. Коллюбакин, применительно именно к словам Кутузова. По мнению, военного историка тот «признавал слабость и необезпеченность леваго фланга» и полагал «усилить его искусством» и это свидетельство следует понять намерением не только усилить местность возведением укреплений, но также и соответственной группировкой сил за этим флангом и другими мерами военного искусства...»³³ Однако такая трактовка может рассматриваться, как неловкая попытка оправдать Кутузова в его более, чем неадекватных, по мнению большинства, обстановке решениях. Мало того, что «оборонительные возможности (слабого участка. — А. В.) не идут ни в какое сравнение с позицией правого крыла», так еще и численность войск, сосредоточенных там, не соответство-

вала ожидаемому удару неприятеля. К тому же полководец вместо концентрации этих сил, наоборот раздробил их, обязав 7-й корпус защищать Курганную высоту, чем значительно ослабил оборону Семеновского³⁴. Все это дало оппонентам Кутузова основание заключить: в планировании Бородинского сражения и в первоначальном развертывании войск им были допущены явные «просчеты».

Альтернативщики предлагали встретить противника плотным построением. Если вспомнить Клаузевица, утверждавшего, что при Бородино русская армия дралась «в беспримерном по тесноте и глубине построении»³⁵, то вариант критиков Кутузова привел бы к еще большему уплотнению войск. Михаил Богданович предлагал отвести 2-ю армию к Утице в резерв, а на ее месте развернуть 1-ю³⁶. От Горок до Утицкого леса вместо двух пехотных и одного кавалерийского корпуса развернулись бы пять пехотных (без 8–10 батальонов, оставшихся на правом фланге) и два кавалерийских корпуса. Само построение говорило о намерении без лукавства и оглядки на завтрашний день дать решительное сражение неприятелю. Еще более бескомпромиссно был настроен Беннигсен, который предлагал вообще «упереть наш правый фланг на деревню Горки, а все остальные затем войска нашего правого фланга перевести на усиление нашего левого фланга»³⁷. В общем, оба критика хотели сыграть ва-банк с Наполеоном, видя Бородинское сражение в виде классической генеральной баталии, в которой решалась судьба всей кампании. Не далеко от них ушел Клаузевиц, который, хоть и пытался снизить плотность рядов, но предлагал увязать «оборонительное построение со средствами перехода в энергичное наступление»³⁸. Весьма показательно, что нечто подробное от русских ожидал и противник. Ж.Ж. Пеле-Клозо, составивший, по словам В.Н. Земцова, «наиболее взвешенное, глубокое и убедительное описание «сражения при Москве-реке», вышедшее из-под пера участника великой битвы»³⁹, писал: «желая дать оборонительное сражение, Русский Генерал должен был построить свои войска в несколько линий между двумя дологами, по которым могла идти Французская армия, дабы перенести свои силы на ту часть фронта, которая будет атакована»⁴⁰.

«Просчеты» Кутузова были не случайны, а строились на концептуальной основе. Общий подход полководца к войне (не доверять «участь войны одному сражению»⁴¹) и конкретная ситуация

при Бородино (отсутствие резервов, способных пополнить ряды после битвы) не стимулировали его к сражению не на жизнь, а на смерть. Для него война, начавшаяся с его прибытия 18 августа к войскам, не заканчивалась после генеральной битвы 26 августа. Еще 23 числа Кутузов предписал генерал-кригс-комиссару А.И. Татищеву заняться заготовкой зимних панталонов и «со всякою скоростью изготовить хотя до семидесяти тысяч, скроить их на большой рост и сшить, а которые не успеют, прислать в армию, кроенные с подкладкою вместе с иглками и нитками»⁴². При любом исходе сражения подкорректировать или исправить ситуацию можно было только с помощью сохранившихся после боя войск. Это придает его фразе о резервах в Диспозиции к сражению дополнительный смысл: «При сем случае не излишним почитаю представить г.г. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден»⁴³.

Вопреки ожиданиям и мнениям, Кутузов размещает свой резерв на правом фланге и делает это таким образом, чтобы противник не сомневался в наличии там крупной группировки войск. Михаил Илларионович действует вопреки общепризнанным правилам гласящим, что от неприятеля следует скрывать свои намерения и тем более развертывание войск. Именно в демонстративном характере построения войск заложено его главное намерение, которое заключается в «принуждении» противника отказаться от обходных движений и, прежде всего, по Старой Смоленской дороге. В таком случае он мог свернуть войска и отступить или нанести удар в районе Новой Смоленской дороги, угрожая тылам Великой армии. Даже после Шевардинского боя, когда большинству современников и историков стало ясно, куда будет нанесен главный удар неприятеля, Светлейший невозмутимо гнул свою линию. Ему нельзя было «спугнуть» Наполеона, который столь же демонстративно продолжал держать на левом берегу Колочи на Новой Смоленке основные свои силы.

В запасе у Кутузова позади за Можайском имелась резервная позиция. Проблема, а значит и слабость, Михаила Илларионовича заключалась в том, что он хотел дать сражение именно на Бородинском поле. Противник, мечтавший о генеральном сражении,

не отпустил бы от себя русских, и не дал бы им время нормально устроиться на новой и тем более возвести укрепления. В результате жесткое преследование закончилось бы чем-то подобным сражению при Прейсиш-Эйлау в 1807 г. Притом само отступление даже на короткую дистанцию грозило привести к серьезным потерям и не могло ни сказаться на общем настрое армии. В общем, причин у Кутузова, чтобы сражение состоялось именно на Бородинском поле, было множество, потому Наполеона надо было либо убедить, либо обмануть, но для того требовалось чем-то его заинтересовать и чем-то надо было поступиться. Отсюда, на наш взгляд, та инертность Михаила Илларионовича в отношении инженерного обеспечения центра позиции, которая отразилась в его поведении на Курганной батарее при живом обсуждении Беннигсеном и Толем типа укрепления⁴⁴.

Как и в сражении с османами при Рушукке в 1811 г. Михаил Илларионович предлагал неприятелю удобный для атаки и прикрытый не столь многочисленным войском участок позиции. Таким нестандартным образом Кутузов хотел принудить/привлечь массы противника на ограниченный участок пространства и через это максимально снизить маневренность и свести к минимуму его численное превосходство. Иначе говоря, лишить Великую армию важнейших ее козырей и одновременно обеспечить своей возможность сполна проявить ее самую сильную сторону — стойкость. Кутузов не был бы самим собой, еслибы он не приготовил неприятелю сюрприз. Заключался он в беспрецедентном для русской армии создании крупного артиллерийского резерва. На 25 августа в нем находилось 186 орудий, и размещался он в тылу центра позиции у д. Псареве. Из его состава ближе к линии фронта были выдвинуты пять конных рот, который располагались позади и правее д. Семеновской, за 4-м кавалерийским корпусом. В тоже время 2-й армии из состава 1-й были переданы 30 орудий. Кроме того, лейб-гвардии артиллерийская бригада, находившаяся за д. Князьково, также изменила свое расположение и была выдвинута 25 августа ближе к фронту и поставлена на левом фланге 1-й армии за батареей Раевского, позади кавалерии⁴⁵. Именно наличие мощной группировки артиллерии позволяло Кутузову надеяться успеть перебросить с правого фланга корпуса в центр и левый фланг, а не абстрактные намерения, которые ему приписывают.

Таким образом, размещения Кутузовым войск на Бородинском поле опиралось на продуманный план, основанный на взаимосвязанных и взаимозависимых действиях. И он не дает оснований для той безудержной критики его оппонентов. Ведь, даже, казалось бы, естественный приговор системе Масловским укреплений на правом фланге (указывающий «на полную нецелесообразность всех работ...»⁴⁶) при детальном рассмотрении оказывается не столь уж однозначным. Критически настроенный Клаузевиц, между прочим, заявил: «... Кутузову следовало, несомненно, принять меры для обороны местности вправо от Московской дороги до самой Москва-реки; эту оборону следовало даже возможно резче подчеркнуть и соорудить здесь много укреплений; впрочем, занимать этот участок надлежало лишь демонстративно, только лишь для того, чтобы иметь возможность отразить первый натиск...»⁴⁷ Михаил Илларионович так и поступил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Шейн И.А.* О времени прибытия М. И. Кутузова к войскам и вступлении должность главнокомандующего // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. 2 : Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2003. С. 81–89; *Бродский Г.Е.* Позиция русских армий у с. Царево-Займище 17–18 августа 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XX Международной научной конференции 5–7 сентября 2016 г. / Сост. И.В. Корнеев. Бородино, 2017. С. 193–194.

² [*Радожницкий И.Т.*] Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. Ч. I. М., 1835. С. 131–132.

³ *Коленкур А. де.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 127–128. Весьма любопытно, что Главнокомандующий 2-й Западной армии князь П.И. Багратион имел схожий взгляд с французским императором. В письме Ф.В. Ростопчину от 16 августа он писал: «Если особенного он повеления не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет к вам (в Москву. — А. В.) как и Барклай... Я думаю, что и к миру он весьма близкий человек, для того его и послали сюда» (*Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников. (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 101).

⁴ Мой век или история генерала Маевского, 1779–1848 // Русская старина. Т.VIII. 1873. Август. С. 158. Из Москвы чиновник по особым поручениям местного главнокомандующего А.Я. Булгаков сообщал брату

Константину 13 августа: «весь народ в радости от назначения Кутузова главнокомандующим над обеими армиями... Он все поправит и спасет Москву» (Братья Булгаковы. Переписка. Т. I. Письма 1802–1820 гг. М., 2010. С. 299).

⁵ *Клаузевиц К., фон* 1812 год. М., 1937. С. 90.

⁶ *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение. История русской версии событий М., 2009. С. 231–232.

⁷ *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 89.

⁸ *Бродский Г.Е.* Позиция российских армий при Ивашкове 18–19 августа 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XXI Международной научной конференции. Бородино, 4–6 сентября 2017 г. / Сост. И.В. Корнеев. М., 2018. С. 189.

⁹ М.И. Кутузов. Документы. Т. VI. Ч. I. М., 1954. С. 111.

¹⁰ *Барклай де-Толли М.Б.* Изображение военных действий 1-й армии 1812-го года. СПб., 1912. С. 22.

¹¹ М.И. Кутузов. Документы... С. 106–107, 112.

¹² М.И. Кутузов. Документы... С.112.

¹³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805-м году. СПб., 1844. С. 132–133.

¹⁴ М.И. Кутузов. Документы... С. 119, 122.

¹⁵ *Поликарпов Н.П.* К истории Отечественной войны 1812 года (по первоисточникам). Вып. III. М., 1911. С. 9.

¹⁶ *Барклай де-Толли М.Б.* Изображение военных действий 1-й армии 1812-го года... С. 24.

¹⁷ *Дубровин В.Ф.* Отечественная война в письмах современников... С. 109.

¹⁸ Из записок Вистицкого // *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильна, 1900. С. 186.

¹⁹ *Барклай де-Толли М.Б.* Изображение военных действий 1-й армии 1812-го года... С. 25.

²⁰ *Бродский Г.Е., Тихонов И.С.* Позиция русской армии при Можайске 27 августа 1812 года: история, реконструкция и современное состояние. Продолжение темы // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. XIV: Сборник материалов. М., 2016. С. 250–259.

²¹ М.И. Кутузов. Документы... С. 129–130.

²² *Барклай де-Толли М.Б.* Изображение военных действий 1-й армии 1812-го года... С. 24.

²³ *Барклай де-Толли М.Б.* Изображение военных действий в 1812... С. 27; *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 года. Киев, 1912. С. 74.

²⁴ *Клаузевиц К. фон.* 1812 год... С. 98.

²⁵ *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 270.

²⁶ *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М., 1995. С. 301; *Попов А.И.* Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995. С. 14; *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 2007. С. 260; *Ивченко Л.Л.* Кутузов. М., 2012. С. 389; *Ливен Д.* Россия против Наполеона... С. 270; *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение... С. 260.

²⁷ *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 332; *Ливен Д.* Россия против Наполеона... С. 270–271.

²⁸ *Ливен Д.* Россия против Наполеона... С. 270.

²⁹ *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение... С.260.

³⁰ М.И. Кутузов. Документы... С. 129.

³¹ *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Фельдмаршал Кутузов... С. 300.

³² *Васильев А.А., Ивченко Л.Л., Земцов В.Н. и Попов А.И.* Бородинское сражение // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 80.

³³ *Колюбакин Б.М.* Война 1812 г. Бородинская операция и Бородинское сражение Кн. 3. // Труды императорского Русского Военно-исторического общества. Т. VII. СПб., 1912. С. 161.

³⁴ *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение... С. 249.

³⁵ *Клаузевиц.* 1812 год... С. 100.

³⁶ *Барклай де-Толли М. Б.* Изображение военных действий 1812... С. 27.

³⁷ *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 года... С. 74.

³⁸ *Клаузевиц К. фон.* 1812 год... С. 101, 116.

³⁹ *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2018. С. 27.

⁴⁰ Бородинское сражение (Bataille de la Moskwa.). Извлечение из записок генерала Пеле о русской войне 1812 года// Чтение в Императорском Обществе истории и Древностей Российских при Московском университете. Кн. 1. М., 1872. С. 69.

⁴¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание первой войны императора Александра в 1805-м году... С. 132.

⁴² М.И. Кутузов. Документы... С. 132.

⁴³ М.И. Кутузов. Документы... С. 143.

⁴⁴ Замечания И.П. Липранди на «Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловскаго-Данилевскаго // *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Т. II. Вильна, 1900. С. 18–20; *Липранди И.П.* Война 1812 года. Замечания на книгу «Истории Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам», соч. г.-м. Богдановича. Ч. II. Замечания на второй том. М., 1869. С. 13, 15–16.

⁴⁵ *Ларионов А.П.* Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны 1812 года. М., 1962. С. 7.

⁴⁶ *Колобакин Б.М.* Война 1812 г. Бородинская операция и Бородинское сражение... С. 168.

⁴⁷ *Клаузевиц К. фон.* 1812 год... С. 116.